
БЫВШИЙ
Ты в прошлом

Юля Шеффер

Бывший. Ты в прошлом

«Автор»
«Автор»
2026

Шеффер Ю.

Бывший. Ты в прошлом / Ю. Шеффер — «Автор», «Автор», 2026

- Ты правда хочешь лишить моего ребенка отца?!Один вопрос, и моя жизнь делится на до и после.В "до" у меня есть любимый, планы на будущее и счастливую жизнь, а в "после" - только я и моя дочь от того, кто предал меня и изменил.Но это не финал моей истории. Предатель бывший вновь появляется в моей жизни самым неожиданным образом. У него сын, а у меня - наша общая дочь. О которой он не знает. И не узнает!

© Шеффер Ю., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 15
Глава 6 17
Глава 7 19
Глава 8 22
Глава 9 25
Глава 10 27
Глава 11 29
Глава 12 31
Глава 13 33
Глава 14 35
Глава 15 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Бывший. Ты в прошлом

Пролог

- Вы кого-то ждете? - спрашиваю девушку, торчащую на нашем крыльце и затрудняющую проход в подъезд.

Обычно я не пристаю с вопросами к незнакомым, но у этой не очень большой, но заметный животик, и как-то невежливо ее отпихивать.

Пальто распахнуто, будто специально, чтобы продемонстрировать живот всем и каждому.

Не знаю, почему у меня возникают такие мысли.

- Тебя жду, - отвечает она едва ли не с вызовом.

Я опешиваю от такого ответа.

- Меня?.. - переспрашиваю удивленно.

- Тебя! Ты же Женя? - мое имя она произносит с такой интонацией, что у меня горчит во рту.

- Да… Женя… - все еще не понимаю я ни ее, ни того, откуда она меня знает, ни ее очевидно негативного ко мне отношения.

Что я ей сделала - место в автобусе не уступила?.. Я ее впервые вижу. Это точно.

- Значит, это ты увела у меня Руслана, - выплевывает она.

Что?! Увела?.. О чем это она?!

Но что-то внутри меня холодеет, словно уже понимает, о чем она и зачем пришла, пока сама я безнадежно туплю. Как если бы тело получило удар раньше, чем голова успела сообразить, откуда он прилетел.

- Пять месяцев, - сообщает она с той же претенциозностью, с какой ведет себя в самого начала нашей вынужденной беседы.

И смотрит на меня сверху вниз, с высоты своих каблуков, с нескрываемым презрением. Как смотрят на таракана.

Я догадываюсь, что она сообщает мне срок своей беременности, но не догоняю, зачем мне эта информация. Чтобы что?

Поэтому ничего ей не отвечаю, не вступаю в этот странный, нелогичный и абсурдный диалог на крыльце.

- Он не говорил тебе, - произносит она.

Снова не вопрос, а утверждение. Спокойное и неотвратимое, как приговор.

- Не говорил чего? - сухо отвечаю я, тоже включая свою нелюбезность на максимум, но даже тогда не соответствую ее уровню.

- Что у нас будет ребенок. У нас с ним, - добавляет, как будто ее слова можно истолковать как-то иначе.

Я снова чувствую этот удар. Сильный и точный. Он попадает в какую-то болевую точку, но я тут же включаю броню.

То есть, она пришла сюда и утверждает, что беременна от Руслана?

И думает, что я в это поверю? Как бы не так!

Мы с ним встречаемся куда больше пяти месяцев, и будь она хоть сто раз его бывшей, расстались они давно, значит, он к ее животу отношения не имеет.

Не знаю, зачем нужна ей эта ложь, на что она рассчитывает, но пришла она не по адресу.

- Это не его ребенок, - чеканю холодно.

Она пренебрежительно хмыкает, глядя на меня с равнодушным, отрепетированным сочувствием человека, который уже знает финал истории, а ты еще нет.

- Ты так думаешь, потому что он тебе так сказал, - произносит она словно с жалостью, и этим злит.

- Он ничего мне не говорил, - парирую. - Потому что говорить нечего.

- Конечно, - она делает паузу. - Мужчины никогда ничего не говорят. Это же так удобно. Для них.

Она произносит свои реплики так просто, спокойно, без истерик и надрыва, как будто действительно желает мне добра, что нечто внутри меня против воли начинает ее слушать.

Но я не позволяю этому завладеть мной и спешу избавиться от назойливой девицы, стремящейся "открыть мне глаза" на того, кого я люблю. Она не сможет поколебать мою уверенность в его искренности и верности.

- Отойди. Дай мне пройти, - мрачно прошу я, потому что за время разговора она сменила место локации, и теперь полностью перегораживает мне проход.

- Сейчас уйду, - она не двигается. - Только скажи мне сначала одну вещь. Женя… Ты в самом деле хочешь быть с тем, кто обманул тебя и лишить моего ребенка отца?

Я не отвечаю, отчаянно пытаясь не слушать ее и не слышать, потому что ее слова против воли падают в меня, попадают, и отмахнуться от них все сложнее. Мучительная мысль "а вдруг это правда?" уже дала свои ростки, пустила корни во мне, и мне непросто с ней справиться.

А она продолжает. Возможно, потому что видит, что моя броня не так крепка и в ней есть уязвимые места. И бьет точно в них.

- Я понимаю, что ты не веришь мне. Я и сама бы не поверила кому-то, кто пришел вот так и наговаривает на моего любимого. Обвиняет его в предательстве. Мы были с ним вместе в те дни, когда ты уехала к себе, на встречу выпускников на юбилее твоей школы, - добавляет она тем тоном и тем блеском во взгляде, с каким открывают карты с самой выигрышной комбинацией.

Флэш рояль…

И шах и мат в моем случае.

- Он ведь не бросит сына, будет рядом, - добивает она, и в голосе впервые появляется что-то живое - не злость, не мольба, что-то среднее, от чего труднее всего отгородиться.

А я думаю о том, что она уже знает пол ребенка - это будет мальчик. У Руслана родится мальчик…

- Ты же знаешь, что так и будет. Руслан не из тех, кто бросает своих. Ты же хорошо знаешь его? Значит, знаешь, что я права.

Да, я думала, что хорошо знаю его.

Я думала, что его слова любви - не пустые, что он никогда…

Никогда.

Она наконец отступает в сторону, и я захожу в подъезд. Двигаясь как робот.

Дверь закрывается за мной с тихим щелчком.

Поднимаюсь на свой этаж - не знаю как, не помню как, ноги делают это сами. Вхожу в квартиру и сразу, в прихожей, оседаю на пол. Как мешок.

Не плачу, слез нет. Есть какая-то странная пустая тишина внутри, оглушительная, как после взрыва. Сейчас пыль осядет, и снова появится видимость и ясность.

Только я такой ясности не хочу.

Не знаю, сколько я так сижу, когда у меня начинает звонить телефон. Я не реагирую, не тянусь к нему.

Он замолкает и звонит еще раз. И еще.

Потом звонки прекращаются.

Потом я собираю чемодан.

Глава 1

- Уложи ее, уложи!

Чей-то громкий крик заставляет меня улыбнуться и даже обернуться на звук. Команды и подсказки раздаются отовсюду, но этот папа - или тренер - перекричал всех.

Мы на городских соревнованиях, и новенький, недавно отстроенный, дворец дзюдо гудит, как растревоженный улей.

Юные дзюдоисты бьются не на жизнь, а на смерть на пяти татами. И моя дочь среди них.

Это первые ее соревнования после переезда - в моем случае возвращения - в этот город, и сразу такие крупные. Она собрана и уверена в себе, а я дико волнуюсь за нее и не могу усидеть на трибуне, поэтому спустилась вниз, как только объявили ее возрастную и весовую категорию. И вот уже час тусуюсь у края татами.

Моя маленькая, но сильная девочка выиграла уже две схватки и прямо сейчас борется в третьей. Если пройдет и эту соперницу, со следующей будет биться за выход в финал. Не первый финал в ее недолгой соревновательной жизни, но первый на таком серьезном уровне.

Детском, но уже серьезном. До этого были внутришкольные и между школами - и во всех она побеждала, поражая меня, - сейчас же ставки как никогда высоки.

И мое давление, уверена, тоже.

Держу телефон двумя руками - так надежнее, он меньше трясется, - и слежу за ней сквозь экран. Невысокая, худенькая, с тугой косой, которую мы заплетали сегодня утром трижды: первые два раза я, а третий - она сама, потому что оба моих варианта ее не устроили.

- Мам, надо туже! Развалится же, - наставляла она с таким пониманием, будто ей не семь лет, а двадцать семь.

Сейчас она стоит в стойке напротив девочки на полголовы выше ее ростом и смотрит на соперницу без малейшего признака страха. Совсем без. Я точно знаю, что этот ген бесстрашия у нее не от меня - я всегда была трусихой, особенно, когда дело касается близких, и сейчас едва дышу, переживая за нас двоих.

В кого она такая смелая, я в курсе. Но стараюсь о нем не думать. Не хочу открывать портал болезненным воспоминаниям прошлого.

Отца Василисы нет в нашей жизни, и не стоит поминать его всуе… Даже в мыслях.

Мое счастье, что мой ребенок не часто спрашивает меня о своем отце, и мне не стоит его "вызывать".

- Вась, руку ей не давай! - бормочу я негромко, больше для самоуспокоения, а не чтобы она меня услышала.

Она и не должна - для подсказок у нее есть тренер, и Егор Андреевич воздерживается от советов - видимо, верит в мою дочь больше.

Или у него нервы крепче.

- Хадзимэ! - отчетливо командует судья, и дзюдоистки вновь сходятся.

Обе сразу ищут захват. Василиса чуть ниже, чуть легче, но она умеет использовать это: уходит под центр тяжести, ставит подножку, тянет на себя, и соперница на секунду теряет баланс - ровно на ту секунду, которая нужна. Бросок получается не идеальным технически, но достаточным. Арбитр фиксирует иппон. Я выдыхаю.

Схватка заканчивается. Мой телефон ловит последние секунды - поклон, пожатие руки сопернице, быстрый взгляд в мою сторону.

Я поднимаю большой палец.

Вокруг меня такие же нервные родители. Мамы с телефонами, папы со скрещенными на груди руками и профессионально-озабоченными лицами. Обычный субботний турнир, каких я видела уже достаточно. Знаю, когда кричать, когда молчать, и что Василиса после победы

сначала сделает серьезное лицо, а потом, когда сойдет с татами, позволит себе улыбнуться - не широко, не торжествующе, а вполсилы, будто улыбка это тоже ресурс, который надо беречь.

Она подходит, я обнимаю ее, говорю:

- Молодец! Сейчас тяжелее было?

- Немного, - пожимает она плечами, словно не сомневалась, что дожмет.

Может, и правда, не сомневалась.

Дочь берет у меня свою бутылку с водой и уходит к тренеру, который поддерживает другого своего воспитанника. Сетка соревнований дает ей несколько минут до следующей схватки. Я немного расслабляюсь, пишу Витальке: "выиграла еще одну" и отправляю снятое видео. Долго смотрю на индикатор отправки - интернет барахлит, - и внезапно слышу голос.

Выцепляю его каким-то непостижимым образом во всей этой какофонии звуков и голосов.

Он доносится справа, от соседнего татами - низкий, напряженный, с той особой сдавленностью, которая бывает, когда человек очень хочет крикнуть, но сдерживает себя:

- Кирилл, контри! Уходи в подхват! Подхват, я сказал - не стой!

Я не знаю, кто такой Кирилл, но знаю этот голос…

Господи, только не это! Только не он!..

- Подножку делай, подножку! Да, вот так! Крас-сава! - продолжает.

Я совершенно точно знаю и эти интонации, и это отрывистое "крас-сава", и застываю на месте. Буквально превращаюсь в ледышку.

Нет.

Нет-нет-нет!

Медленно, очень медленно поворачиваю голову на голос.

Его обладатель стоит в метре от меня, в толпе, я вижу в просвете между других голов его профиль: прямой нос, резкая линия скул, легкая щетина.

Восемь лет.

Восемь лет прошло, но я сразу, с первого взгляда, его узнаю.

Руслан. Мой бывший.

Я не дышу. Не уверена, способна ли вообще это делать. Телефон в моих руках вдруг становится тяжелым, как кирпич, и я не понимаю, куда его деть, что делать с руками, куда смотреть и куда бежать.

Он не видит меня. Он весь там, на соседнем татами, следит за схваткой, подается вперед, когда мальчик проводит прием, бормочет что-то одобрительное.

Я перевожу взгляд на табло над татами.

Нижняя из двух фамилия - СИРЦЕВ.

Буквы тут же плывут перед глазами.

Сирцев!

Это его фамилия. Руслана…

Я смотрю на мальчика в синем дзюдоги, которого он называет Кириллом.

Значит, этот мальчик - его сын. Ребенок, которого ему родила та, что приходила ко мне, чтобы продемонстрировать свой живот.

Та, с которой он предал меня.

Та, с кем изменил…

Глава 2

Я не знаю имени той, что разрушила мою жизнь, обнулила ее, откатила к заводским настройкам.

Но я вижу ее ребенка, того, которого я, уйдя от Руслана, не оставила без отца.

И вот они оба тут, вместе.

Приглядываюсь к мальчику повнимательнее - он похож на Руслана, не один в один, но сходство заметно. Такой же темноволосый, крепкий, быстрый. И возраст подходит.

В борьбе ведет, двигается уверенно - так двигаются дети, которых, плюсом к отличным природным данным, еще и хорошо тренировали. Не только в зале, но и дома. Отрабатывали с ними броски, ставили технику. У Кирилла Сирцева, определенно, есть и то, и другое - как может быть иначе, если твой отец сам бывший дзюдоист?

Или не бывший, ведь спортсмены бывшими не бывают.

Смотрю на этих двоих, и внутри у меня все скручивается в тугой узел. Значит, у них семья. Значит, у них все получилось - у него получилось. Они строили семью, пока я уезжала с одним чемоданом в ставший чужим город, рыдая в скорой электричке так, что проводница молча сунула мне носовой платок.

Пока я смотрела в ступоре на проявившийся плюсик на тесте и не знала, как мне быть.

У него уже был сын, когда я ждала рождения нашей дочери, работая до последних сроков, потому что содержать меня было некому. Ее отец был сосредоточен на другой женщине. И другом ребенке.

- Кирилл, уходи в захват. Бросай его!

Его голос раздается снова, и я физически ощущаю, как у меня сжимается горло. Не слезы - злость. Восемь лет злости на Руслана, которую я аккуратно складывала в самый дальний угол и не трогала, потому что с ней невозможно жить. Но сейчас она вспыхивает вновь, от одного только голоса.

- Победу одержал Сирцев! - объявляет арбитр, и я вскидываюсь, мгновенно отмирая - надо уходить.

Прямо сейчас. Пока Руслан не обернулся, пока не увидел меня. Я должна немедленно увести отсюда дочь - он не должен узнать о ней. Ни за что!

Отвернувшись, быстро иду вдоль татами, бочком, за спинами других родителей, к Василисе и трогаю ее за плечо.

- Василис, идем. Нам пора.

Она оборачивается и смотрит на меня с искренним недоумением.

- Куда?

- Домой. Нам нужно уйти отсюда.

Она смотрит на меня так, будто у меня вдруг стали острыми уши или нос пятачком. Как на что-то ненормальное, в общем.

- Мам, - произносит это одно слово с интонацией, подчеркивающей ее полный недоумения взгляд. - Я выиграла и сейчас буду бороться за выход в финал. Какой домой?

- Я знаю, солнышко, но мне нужно, чтобы мы ушли. Сейчас же. Пожалуйста, - добавляю, зная, что приказами ничего не добьюсь.

Пока сама не решит, она не сдвинется с места - я знаю свою дочь. Можно тащить ее к выходу за руку, устроить сцену на весь зал, и она пойдет, но не простит мне этого еще долго.

Характер у моей девочки есть.

- Нет, - отказывается она просто.

- Вась, пожалуйста, - тихо говорю я, наклоняясь к ней. - Послушай меня. Мне очень важно, чтобы мы ушли.

- Почему?

- Не могу тебе сказать, но поверь, мне, правда, нужно. Прошу тебя. Ты же знаешь, что я просто так не прошу.

Она смотрит на меня внимательно и серьезно, решая, послушать меня или нет. Я практически не дышу, надеясь на первое.

- Если я уйду, моя соперница решит, что я струсила.

- Да она даже не знает тебя. Я прошу… - но не договариваю, потому что в этот момент судья объявляет:

- На татами пять приглашаются Гордон - Павлова.

Я вздрагиваю. Гордон - не самая распространенная фамилия. И если Руслан услышит ее, он может заинтересоваться. Как и я.

То, что этого до сих пор не произошло, не удивляет - я тоже не слышала, как называли Кирилла, мы все сфокусированы только на своих. Но это может произойти случайно. Дерьмо, как водится, случается…

- Это меня, - говорит Василиса тихо и идет к татами.

- Вась… - я плетусь за ней.

- Я слышала тебя, мам, - перебивает слегка раздраженно. - Иди, подожди меня там.

И выходит на татами прежде, чем я успеваю еще что-то вякнуть.

Вся съежившись от страха, поднимаю телефон, как положено матери и нажимаю запись видео.

Схватка начинается. Василиса очень вяло берет захват, ее плечи не напряжены, а расслаблены. Пока я соображаю, что происходит, соперница дергает ее на себя, Василиса не сопротивляется, и в следующую секунду оказывается на мате. На спине - иппон!

- Победу одержала Павлова Есения!

Схватка длилась меньше десяти секунд. На лице Егора Андреевича, как и на моем, растерянность и непонимание.

Василиса поднимается, поправляет кимоно, невозмутимо встает на рей, жмет руку сопернице, кланяется еще дважды и подходит ко мне.

- Идем, мам, - берет меня за руку.

Я открываю рот и не нахожу слов. Сердце стучит где-то в горле от бурлящих внутри эмоций. Киваю ей, понимая, что если сейчас заговорю, то расплачусь. Здесь. При всех.

- Ты сдала схватку, - выдавливаю из себя, шагая к выходу.

Она пожимает плечами - коротко, по-взрослому.

- В следующий раз выиграю.

Мы уходим.

Я не оборачиваюсь.

Глава 3

- Прости меня, Василис, - вырывается у меня, когда я смотрю, как дочь надевает свою пижаму с инопланетянами.

- За что? - поднимает на меня свои чистые и ясные глаза.

- За сегодня. Что испортила тебе турнир и лишила заслуженной победы. Это было нечестно с моей стороны.

Она молчит, словно обдумывает мои слова. Потом пожимает плечами:

- Я могла и не выиграть. Соперницы все сильные.

Ее великодушие обезоруживает.

- Все равно я не должна была мешать тебе бороться. И я больше никогда так…

- А кто выиграл, мам? - перебивает она. - Кто победил в моей категории?

- Павлова.

- Это хорошо, - кивает Василиса. - Значит, я проиграла лучшей.

И снова мне нечего сказать ей. В горле опять образуется этот проклятый комок, который весь день то отпускает, то возвращается. Моя семилетняя дочь оказывается сильнее меня. И рассудительнее, и взрослее.

А я… я поддалась эмоциям и панике, отключившей мне голову. Потом-то я поняла, как моя неспособность трезво мыслить от страха разоблачения отражается на Василисе - она же мне и объяснила, просто и доходчиво, - но было поздно.

- Спокойной ночи, мам? - прерывает она мой приступ самоосуждения.

- Сладких снов, солнышко.

Поцеловав дочь, оставляю включенным ночник и выхожу из ее комнаты. Плотно закрываю дверь, чтобы не тревожить ее сон, и бесшумно удаляюсь.

Маленькая прихожая, два шага до кухни-гостиной, один шаг до совмещенной ванной. Наша съемная евродвушка - гордое название для квартиры, где единственная комната досталась Василисе, а мне - целый раскладной диван в том, что риелтор назвал "просторной гостиной в открытом стиле".

Сейчас диван еще не разложен. Я не готова ложиться. Не готова закрывать глаза, потому что знаю, к чему это приведет.

Весь оставшийся день и вечер. кроме чувства вины перед дочерью, меня терзает образ мужчины, который когда-то говорил о любви, а потом сделал ребенка своей бывшей девушке, стоит передо мной, не отпускает. Я снова вижу его знакомые до боли черты, снова слышу голос, который узнала из сотни других, снова вспоминаю события восьмилетней давности, свое бегство от того, кто меня обманул, и все, что случилось после.

Сажусь на край дивана, подтягиваю под себя ноги, и знаю, что сейчас, в тишине, все эти мысли и флэшбэки вернутся вновь. Стараюсь отвлечься, прислушиваюсь к тому, не ворочается ли за стеной Василиса, которая переживает, как бы ни пыталась она убедить меня, что все нормально.

Тянусь к телефону, чтобы пересмотреть ту последнюю схватку - те жуткие десять секунд, - и вижу сообщение от Влада. Сразу несколько, которые я благополучно пропустила.

Прочитав их, смахиваю приложение с экрана и блокирую его. Я сомневаюсь, стоит ли рассказывать ему. Но и не знаю, как не рассказать.

Снова берусь за телефон и набираю его.

- Привет, - по теплу в его голосе я понимаю, как он рад меня слышать. - Как вы, мои девочки? Как жизнь в большом городе? Обратно не хотите? - улыбается.

- Хотим, - признаюсь честно. - Привет.

- Так возвращайтесь. Я уже соскучился.

- Ты же знаешь, я не могу, - вздыхаю, хотя мысль снова сорваться в бега по проверенному маршруту, признаюсь, меня уже посещала.

Но теперь я не одна, и сдерживающих факторов у меня больше.

- Васька спит? - касается он скользкой темы.

- Мхм.

- Жаль. Я думал, она позвонит рассказать, как прошли соревнования. Медаль покажет.

Я молчу пару секунд и все же признаюсь:

- Нет медали.

- Как нет? Проиграла финал?

Я качаю головой и думаю: хорошо, что этот диалог с ним веду я, а не Василиса, для нее это лишняя соль на рану.

- Не добралась до него. Раньше выбыла.

Теперь он замолкает. Для него ее проигрыш - нонсенс. Для меня тоже.

- Вот блин… Бедная малышка… Сильно расстроилась? Не плакала?

- Нет. Не плакала. Но расстроилась. В общем, это из-за меня, - выпаливаю после паузы.

- В смысле из-за тебя? - не понимает он.

- Я попросила ее уйти с соревнований. Просто уйти она отказалась и сдала схватку. Вообще не боролась.

Влад молчит, переваривает.

- А почему ты попросила ее уйти?

Я прикрываю глаза - это самое сложное.

Можно соврать. Влад никак не узнает об этом, но… Я буду знать.

- Там был Руслан, - произношу быстро, чтобы не передумать.

И снова повисает тишина.

Такая долгая, что я успеваю пожалеть, что призналась ему. Надо было смолчать. Ему однозначно неприятны упоминания о моем бывшем, после болезненного разрыва с которым я досталась Владу разбитой и разобранной. Он столько лет собирал меня по кусочкам, чтобы теперь услышать, что мы с ним вертимся в одних спортивных кругах.

Жаль, я не обратила внимания, из какой младший Сирцев спортшколы — так было бы примерно ясно, в каком районе они живут. В секцию ведь не ездят в другой конец города. И можно было бы обходить тот район за километр и никогда не соваться ни на какие соревнования в той школе.

- Ты говорила с ним? - спрашивает он наконец.

- Нет. Мы ушли быстро.

- Жень… - Влад произносит мое имя осторожно, словно ступает по тонкому льду. - И что ты собираешься делать? Не думаешь о том, чтобы... сказать ему о Василисе?

- Нет, - резко отвечаю я.

Вот об этом я не думаю точно. Ни в коем случае не хочу, чтобы он узнал.

Просто он не заслужил знать о ней. Он лгал мне, и я не позволю, чтобы лгал еще и наше... моей дочери!

- Он живет своей жизнью. У него сын, - ставлю жирную точку в этом обсуждении.

- Сын? У него есть сын? - Влад как будто удивлен. - Как ты узнала?

- Он был с ним на соревнованиях. Они похожи, у них одна фамилия, а братьев у Сирцева нет, так что… - отвечаю я на все возможные вопросы.

- Ясно, - тянет он. - Ладно, ложись спать, Жень. Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, - эхом отвечаю я.

Я встаю, раскладываю диван и ложусь, не раздеваясь.

Слепо таращусь в потолок, зная, что уснуть мне сегодня не судьба.

Глава 4

Руслан

Опоздал!

Несусь по дворцу практически бегом, что стопудово смотрится комично при моих габаритах - метр девяносто ростом и больше восьмидесяти килограммов, - но мне не до смеха ни разу.

Я адово зол и на себя, и на обстоятельства. И не знаю, что скажу. Как буду оправдываться перед ним. Его не убедят ни звонок, на который нельзя было не ответить, ни пробка на Садовой, которой не должно быть в субботу утром, и то, что я не мог найти свободное место рядом с этим новым дворцом, выросшим на месте, которое я помню совсем другим. Для Кирилла важно, что я опять не успел к его старту в соревнованиях. В какой уже раз. Пропустил две схватки и просто обязан успеть на третью!

Если он ее вдруг проиграет, я не прощу себе. И он мне не простит.

Как представлю, с каким разочарованием будут смотреть на меня его сухие карие глаза - мой пацан знает, что мужики не плачут, и не позволяет себе ныть. Ни по какому поводу. Но с обидой справляться он все же пока не умеет - ребенок еще, - в такие моменты прикусывает нижнюю губу и отворачивается с независимым видом, чтобы незаметно стряхнуть с ресниц подступившую предательскую влагу.

Когда я нахожу его, его уже вызвали бороться, он идет по краю татами к центру слева от рефери, понурый. Черт, неужели из-за меня?..

- Кирюха, давай! - кричу ему ободряюще и вскидываю руку вверх, чтобы он меня увидел.

Есть! Увидел. Не засиял, но как будто выдохнул. Успокоился. И я чувствую облегчение - хоть тут не подвел.

Он начинает работать с соперником, ищет захват, двигается аккуратно, без спешки - как я его учил. Соперник делает резкий выпад, хватает его за кимоно, разворачивается и тянет через свою ногу, на бросок.

- Кирилл, контри! Уходи в подхват! Подхват, я сказал - не стой!

Не знаю, слышит он или нет, но бросок сопернику не удается, судья засчитывает только юко. Они снова сходятся, я поддерживаю Кира с утроенной силой - отдуваюсь за пропущенные схватки: кричу, подсказываю, направляю. Отрабатываю по полной свою роль: и отца, и тренера, и старшего товарища в одном лице. И в итоге Кир его дожимает, побеждает удержанием.

Я сразу расслабляюсь, поворачиваю голову, разминая шею - затекла от напряжения, - и краем глаза цепляю что-то, что заставляет меня обернуться. За спиной мелькнула женщина, показавшаяся знакомой - мать кого-то из школы Кирилла? Там я многих знаю и вижу часто, но ни на одну из них у меня не сбоит моторчик в груди. А тут прям тахикардия.

Она исчезает за спинами, вновь выныривает в просвет, и я опять это чувствую - как удар в солнышко. Мне точно знаком этот разворот плеч, этот наклон головы и то, как она движется… Блин, кто это?

Я знаю, что если не вспомню, потом буду мучиться, рыться в чертогах памяти - желание решить задачку не отвяжется, как мотивчик, который напеваешь, но не можешь вспомнить ни слова, ни кто поет. Я делаю шаг в ее сторону, сначала безотчетно, меня словно тянет к ней, как тянет потрогать крутящиеся лопасти вентилятора, хоть и знаешь, что останешься без пальцев. Но следующий шаг я делаю уже осознанно, намереваясь догнать, проверить. Но рядом раздается:

- Ты видел, как я его?

Раскрасневшийся Кирилл в растрепанном кимоно смотрит снизу вверх с видом человека, который только что совершил подвиг и требует заслуженного признания.

- Да, красавчик, - говорю я, поворачиваясь к нему, и возвращаю взгляд туда, куда ушла "знакомка".

Но она исчезла, будто растворилась. Мысль пойти за ней я пресекаю, одергивая себя - я здесь не за этим.

- Я слышал, как ты подсказывал, - сообщает.

- Тебе это было не нужно, - треплю его по густым, чуть жестковатым, как и у меня, волосам. - Ты контролировал схватку. К финалу готов?

- А то! - расплывается он в самодовольной ухмылке.

Но финал проигрывает. Глупо, на контратаке.

Однако не расклеивается, не убегает, расстроенный, с татами, а делает рей и жмет руку сопернику, который сияет беззубой улыбкой, ведь выиграл на шару - Кир вел всю схватку и по инициативе, и по очкам, но досадная ошибка, и он на спине. Иппон - и второе место.

Это спорт, и это тоже победа, честная, но все равно обидно до зубовного скрежета. Обидно за Кирилла, он красиво бился.

Подходя ко мне, прячет глаза - ему тоже обидно. Я делаю вид, что не вижу.

- Все нормально, Кирилл, - говорю. - Без поражений…

- Не бывает побед, - заканчивает он за меня.

Без энтузиазма.

- Кирюх, - к кладу руку ему на плечо, - не куксись. Серебро - тоже неплохо.

- Серебро у меня уже есть, - бурчит он себе под нос.

- Ну будет еще одно. Научишься не зевать, когда контрят, - будет золото. Сейчас заберем медаль и поедем отмечать, - предлагаю. - Куда хочешь?

- На батуты и пиццу! - сразу загораются глаза.

- Заметано.

Стоя у пьедестала в ожидании награждения, оглядываюсь по сторонам, выискивая снова эту светлую макушку с высоким хвостом, которая так меня цепанула. Похожих тут немало, но ни на одну ничто во мне не ёкает. Моторчик молчит, сигналов тревоги не подает. И я начинаю убеждать себя, что мне эта "знакомость" привиделась.

Это куда больше похоже на правду, чем то, точнее та, о ком я подумал. Просто ни на кого другого я бы так не среагировал, но это слабый аргумент в пользу того, что я в самом деле видел Женю.

А даже если и видел? Если это действительно она, что с того? Какое мне дело до нее?

Нафига я собирался бежать за ней? Что бы я сказал ей, спустя восемь лет? "Привет, как дела?"

Выставил бы себя идиотом, вот и весь "привет".

Нет. Она тогда не захотела ничего мне сказать, даже записки не оставила, уезжая. Вот и мне с ней разговаривать не о чем.

Все. Забыли.

Глава 5

Евгения

Только на третий вечер после той жуткой субботы я добираюсь до протоколов соревнования.

Сообразила я, где можно узнать, воспитанником какой школы дзюдо является тот или иной участник турнира, уже на следующее утро - правду говорят, что оно мудренее вечера, - но было как-то не до них.

Сейчас же я выделяю время на то, чтобы закрыть этот мучающий меня вопрос, скачиваю сетку турнира из чата с тренером и листаю протокол до интересующей меня возрастной категории - мальчики 2018 года рождения. Внутри возраста разбивка еще и по весам, но я весовую Кирилла не знаю, поэтому всматриваюсь в фамилии, увеличив масштаб файла на экране телефона - слишком мелко.

Веду пальцем по экрану медленно, вчитываясь, чтобы не пропустить. Но осторожничаю зря - на нужной фамилии, той самой, палец спотыкается, и сердце бьется в грудную клетку, как колотушка в мембрану бас-барабана, раньше, чем глаза успевают увидеть.

Сирцев К.

Мне остается лишь скользнуть пальцем по экрану влево, чтобы увидеть следующий столбец, где указано название школы, но я медлю.

Меня вдруг посещает страх: а что, если судьба решит надо мной посмеяться? Что, если окажется, что сын Руслана занимается в той же школе, что и мы? Что я буду делать в этом случае?

Ведь тогда план не пересекаться не сработает. Василиса занимается каждый день, тут даже развести их по дням не получится. Просить Ваську перевестись в другую школу, к другому тренеру?

Ответ вспыхивает в голове мгновенно - нет!

Ни за что.

И не только потому, что мы целенаправленно выбирали этого тренера, мы ехали именно в эту академию единоборств, и даже квартиру для аренды искали поближе к ней. И школу будущей первокласснице выбирали из этого района.

А потому, что я уже вмешалась однажды. Едва ли не силой утащила ее с татами, не дала забрать то, ради чего дочь так упорно и самоотверженно тренировалась, украла у нее честно заработанную, заслуженную победу! Просто потому, что встретила призрак из прошлого.

Увидела Руслана и потеряла голову.

И той ночью, таращась в потолок, я пообещала себе, что больше никогда не поступлю так со своим ребенком. Никогда не подставлю ее, не стану ценить ее интересы ниже своих.

Второй раз такой ошибки я не совершу. И уж точно не из-за Руслана Сирцева.

Он прошелся тайфуном по моей жизни восемь лет назад. Вошел в нее и все изменил, а вышел - поломал. Я потратила немало времени, чтобы собрать себя заново, и не позволю ему проделать то же самое с жизнью Василисы. И тем более не позволю сделать это моими руками.

Отбросив сомнения, веду пальцем влево и читаю - школа "Кодокан".

Прикрываю на миг глаза - не наша. Так лучше. Так проще.

Прокручиваю файл дальше, чтобы посмотреть его результат - проиграл в финале. Значит, тоже сильный. Ну… есть в кого…

Вбиванию название школы в поисковик посмотреть адрес - далеко. И от нашего района, и от родителей, и от Витальки - шансы снова пересечься минимальные.

"До следующего городского турнира", вставляет свою ложку дегтя вредный внутренний голос, но я его игнорирую.

- Мам, а зачем ты гуглишь школу "Кодокан"? - раздается рядом голос Василисы.

Я дергаюсь - не заметила, как она подошла. Крадется как кошка…

Поворачиваю голову к ней:

- Просто реклама попалась, - вынужденно вру.

Правду объяснять слишком долго. И не нужно.

- Ты почему не спишь? - спрашиваю встречно. - Уже почти одиннадцать.

Полчаса назад я ее уложила и пожелала "спокойной ночи", и вот она здесь. Без признаков сна.

- Не спится, - пожимает плечами.

- Почему?

Она отводит глаза. Я съеживаюсь внутренне - неужели и она мне соврет, как я ей только что?

И мне даже обижаться не за что - это будет справедливо…

- Егор Андреевич разговаривал со мной после тренировки, - встречается она со мной виноватым взглядом, и сердце замирает. - Спрашивал меня, что это было со мной на соревах. Почему я сдала схватку.

Конечно, он все понял. Он все видел и понял. И не мог не спросить. Даже странно, что не сделал этого вчера, а ждал до сегодня.

- И что ты ему ответила? - снова цепенею я, по той же причине.

Не хочу, чтобы дочь лгала. Мне или из-за меня. Особенно из-за меня.

- Сказала, что не могу рассказать. Что так было нужно.

Ее яркие глаза прожигают меня насквозь.

Я немею. Не знаю, что сказать ей на это. Спасибо? Молодец?

Чувствую противное першение в горле, желание прокашляться, но держусь.

Она не солгала. Семилетняя девочка нашла способ не солгать тренеру и не выдать мать.

Так было нужно…

Но если из-за этого она не спит, значит, ее это мучает. Хоть это и правда.

Или ее мучает то, почему мне было это нужно. Я ведь так ей и не объяснила.

- Ты из-за этого не спишь?

- Из-за того, что не сказала тебе об этом. Ты спрашивала меня, почему я задержалась после тренировки, я промолчала. Вот и не спится. Не люблю ничего от тебя скрывать.

- И я не люблю, - отвечаю честно.

Но приходится…

- Я спать, мам, - обнимает она меня за шею, целует в щеку и убегает.

Я иду за ней, чтобы закрыть дверь - знаю, что оставит ее открытой, пока укладывается и укрывается.

- Спокойной ночи, солнышко.

- И тебе, мам.

Я закрываю дверь, иду к себе, сажусь обратно на диван.

Горло так и сведено спазмом от сдерживаемых слез. Моя девочка защитила меня сегодня.

Но это моя обязанность - защищать ее. От всего. В том числе от моих собственных страхов и от людей, которые давно остались в прошлом и должны там и оставаться.

Я еще раз обещаю себе, что не поставлю больше Василису в ситуацию, когда она вынуждена меня защищать. Что бы ни случилось.

Дочь важнее всего.

Важнее всех.

Глава 6

Руслан

- Да что за черт?! - реагирую в голос.

Это уже вторая заправка на районе, которая оказывается закрытой на приемку бензина. Щелкаю ремнем, собираясь выйти из тачки, чтобы узнать, как долго они будут его принимать - есть ли смысл ждать, - но в эту секунду к водиле в "Шкоде" передо мной подходит пассажир и сообщает, что ориентировочное время ожидания сорок минут. Они издеваются!

Я не могу застрять тут на час, но и ехать далеко тоже не могу, тупо не на чем, я сюда-то практически на парах добрался. Буквально через дорогу есть еще одна заправка, другой, менее надежной, сети, и в другое время я бы к ним не сунулся, но сейчас выбирать не приходится. Я разворачиваюсь и двигаю туда.

Здесь, несмотря на коллапс у конкурентов, столпотворения не наблюдается, и уже через пару минут я встаю к колонке. Вставляю пистолет в бак, смотрю на номер колонки и иду оплачивать.

- Шестая, полный бак, - говорю кассиру и жду с телефоном наготове у терминала.

Она что-то долго возится, и я смотрю сквозь стекло на свою машину без особой цели. В поле зрения попадает тачка, которая встает за мной. Ничего особенного, красный "Ситроен", я мажу взглядом по лобовому и отворачиваюсь.

Кассир, извинившись за долгое ожидание, называет сумму, я прикладываю телефон, бурчу "спасибо" и быстро иду обратно к тачке. Возвратив пистолет на место, закрываю крышку бензобака и уже берусь за ручку водительской двери, как краем глаза цепляю лицо девушки в открытом окне "Ситроена".

Застываю, потому что вновь испытываю то же едкое чувство, что и на турнире. Мне знаком этот профиль. Поворачиваюсь к ней, чтобы убедиться. Длинная густая челка, большие, в поллица, темные очки на глазах, но даже так я не могу не узнать ее.

- Женя? - вырывается у меня прежде, чем я успеваю подумать, а стоит ли ее звать.

Она вскидывает на меня глаза, быстрым движением снимает очки, и я понимаю, что ошибся.

Это она и… не она.

Да, похожа - те же черты лица, те же волосы, те же жесты, - но это не моя бывшая девушка.

- Обознался, Русланчик, - хмыкает ее сестра-двойняшка, глядя на меня с прохладным удивлением.

Мне следовало сразу сообразить, что встретить здесь Виталию куда вероятнее, чем Женю, которая давно живет в другом городе. Хотя и сестра могла за эти годы куда-нибудь уехать. Не попадалась же она мне эти восемь лет ни разу, а тут дважды за одну неделю.

К чему бы это?

- Так это тебя я видел в прошлую субботу? - спрашиваю, сообразив. - Во дворце дзюдо.

- В дзюдо? - ее губы кривятся едва ли не брезгливо. - Что бы мне там делать?

- Мне показалось, что я видел...

- Сирцев, - перебивает она, и в ее глазах и голосе появляется чуть ли не жалость ко мне. - Моя сестра ушла от тебя восемь лет назад, а она тебе все еще мерещится? Не пора ли перестать вспоминать о ней, а?

Ее насмешливое замечание неожиданно цепляет, потому что попадает в цель - как мощный удар по старой травме, к которой, казалось, привык, но оказывается, она все еще болит.

- Может, если бы я знал, почему она от меня ушла, реже бы вспоминал, - парирую я сухо и напоминаю: - Ты же не потрудилась мне рассказать.

Виталия смотрит на меня поверх очков, которые уже нацепила обратно. Ее глаза вспыхивают непонятным блеском, но быстро гаснут. Она отвечает так же сухо:

- Я сказала тебе все, что знала сама. Мне инфа казалась более чем исчерпывающей. Или ты жаждешь подробностей? - театрально вскидывает брови.

- Обойдусь, - отказываюсь сразу, задницей чувствуя, что ее подробности мне не зайдут.

- Тогда, может, ты уже проедешь вперед, и я наконец заправлюсь? Я, конечно, рада увидеться со старым другом, но у меня есть и другие планы на этот вечер, а не только стоять тут с тобой и вспоминать бурную юность.

Меня удивляет количество яда в ее голосе.

Не то, чтобы мы с ней были очень дружны, но было время, когда сестра Жени любила болтать со мной и нередко занимала меня разговорами, пока моя девушка собиралась. Но сейчас она даже не пытается скрыть, насколько неприятна ей наша встреча, а о том, что рада, она просто врет. Точнее, язвит, и я не догоняю почему.

Но спрашивать ее об этом, конечно же, не буду. Мне, собственно, пофиг на ее тараканов - своих хватает.

Ничего не ответив ей, просто дергаю свою дверь на себя, чтобы уехать, как она просит.

- Буду звонить сестре - привет от тебя передать? - высовывается Виталия из окна.

Это тоже предложение с подколом, поэтому и его я отвергаю.

- Не надо.

Мой ответ звучит мрачнее, чем я хотел. Но я уже сажусь и, заведя мотор, рву с места.

Однако не могу избавиться от мыслей от этой странной встрече.

Если бы Вита сказала, что в субботу во дворце была она, это все бы объяснило, но она отрицает. А если не она, значит, все же это была Женя? Она вернулась или просто приехала? И что ей делать на детских соревнованиях по дзюдо? Одни вопросы…

Но так ли уж мне нужны на них ответы?

Глава 7

К Академии я подъезжаю, когда тренировка уже закончилась.

В принципе, не критично. Можно было бы, конечно, приехать пораньше, подняться в зал и переговорить с тренером - я давно уже этого не делал. Но явно не сегодня.

Преступный сговор АЗС мало того, что заставили меня заправиться неподходящим бензом, так еще и с Виталией Гордон столкнули. Видимо, чтобы точно сделать сегодняшний день претендентом на звание худшего в этом году.

Чтобы подъехать к Академии единоборств, в которую мы недавно перевели Кирилла, нужно развернуться на перекрестке, но на разворот стоит такая вереница машин, что я простою светофора два, не меньше. И я решаю туда не соваться, а бросить тачку тут, через дорогу. Прижимаюсь к бордюру, врубаю аварийку - на всякий - и, дождавшись просвета, перебегаю дорогу.

Мне везет - Кирилл еще не вышел, не стоит, скучая и оглядываясь по сторонам. Даже странно, обычно он выходит быстро. Тренер задержал сегодня?

Но как только подхожу к главному входу, стеклянные двери передо мной разъезжаются, и выпускают его на улицу.

- Закончили уже? - задаю нелогичный вопрос и только в эту секунду замечаю, что Кирилл вышел не один.

С ним девочка.

Довольно высокая - ростом почти с моего пацана, - аккуратные хвосты на макушке из светлых волос, серьезное лицо и рюкзак на спине с большим брелоком-мишкой в синем кимоно. Если я и подумал было, что девочка с тренировки гимнасток, то брелок мою догадку обнулил.

- Привет, - говорю ей, потому что ее большие глаза смотрят на меня с незавуалированным интересом. - Я - Руслан.

- Василиса, - отвечает серьезно.

И что-то неуловимое царапает изнутри - не мысль даже, просто ощущение. Непонятное. Я не успеваю его поймать.

- Очень приятно, Василиса. Ты тоже дзюдо занимаешься? - спрашиваю зачем-то.

Может, из-за этого ощущения - хочу продлить общение с ней, чтобы понять, что это?.. Хрен знает.

- Да, - кивает.

- Давно?

- С пяти лет.

- Молодец, - протягиваю ей руку, она уверенно кладет в нее свою.

Несильно пожимаю.

- А я с четырех, - тут же вставляет Кирилл немного хвастливо.

- Ты с четырех, - с улыбкой треплю его по затылку.

- Где машина? - спрашивает он, приглядываясь к приткнутым поблизости рядами тачкам.

- Через дорогу оставил. Самокат не забудь, - напоминаю.

Он срывается к специальной зоне для парковки двухколесного транспорта - чьи-то пристегнуты замками, другие просто вставлены в стойки или брошены рядом. Кирилл роется в этой куче, выуживая свой трюковой с золотыми колесами.

Я собираюсь попрощаться с Василисой, когда замечаю, что она оглядывается по сторонам. Словно ищет кого-то.

- Ты одна? - не могу не спросить - она же ребенок.

И девочка к тому же.

- Может, тебя подвезти?

- Нет, - энергично качает головой. - Меня мама встречает всегда. Наверное, опаздывает.

Кирилл лихо подъезжает на самокате и, резко затормозив, спрыгивает, чтобы прокрутить его в воздухе - трюкач…

- Давай подождем, пока придет ее мама? - просит он, демонстрируя, что я привил ему правильные пацанские понятия.

"Нас тоже мама ждет", надо бы сказать мне, потому что это правда, но не говорю. А говорю то, что должен:

- Да, конечно.

Мы отходим в сторону от входа, чтобы не мешать выходящим. Кирилл нарезает круги и восьмерки между мной и Василисой, она стоит молча, сосредоточенная. Я испытываю странную неловкость в ее присутствии, мой опыт общения с девочками, не достигшими совершеннолетия, закончился лет пятнадцать назад. И они тоже преимущественно были спортсменками.

К счастью, всего через пару минут телефон Василисы звонит. Я помогаю ей достать его из кармана рюкзака и вижу надпись "мама" на экране.

- Да, мам, - говорит она с облегчением, а после паузы добавляет: - Окей, иду, - и сует телефон обратно в карман.

- Нашлась мама? - спрашивает Кирилл.

- Да, она ждет меня внутри, - улыбается смущенно. - Я пойду обратно. До свидания!

Не дожидаясь ответа, она разворачивается и бежит к стеклянным дверям.

- Идем, - зову Кирилла, проводив ее взглядом.

Дорогу мы переходим по светофору - ребенком я рисковать не готов, да и непедагогично это. Сам же пожалею, что не прошел лишнюю сотню метров, когда придется объяснять ему, почему мы нарушаем правила дорожного движения. Я дважды одну и ту же ошибку не совершаю. Загружаю самокат в багажник и сажусь за руль.

Кирилл уже сидит рядом - ездить на заднем он перестал года в три. Его там укачивало, и, пару раз почистив влажными салфетками салон, я переставил кресло вперед.

Убедившись, что он пристегнулся, включаю поворотник и стартую.

- Что это за девочка? - спрашиваю через минуту, так и не избавившись от того странного ощущения. - Как ты с ней познакомился?

- Тренировались вместе.

- Она из твоей группы? Новенькая?

- Нет, не из моей. Сегодня же пятница - день борьбы! Все группы тренируются вместе. И меня с ней тренер в пару поставил, - объясняет терпеливо.

- И как она борется? - ловлю себя на неожиданном интересе.

- Круто! - вспыхивают его глаза. - Она меня через бедро бросила и такой подхват под две ноги сделала офигенский - я так не умею.

- Серьезно? - поворачиваюсь к нему, проверяя, не прикалывается ли.

В мое время быть брошенным девчонкой считалось позорным и об этом не рассказывали. А он едва ли не гордится этим. Надо же, как скакнула эволюция…

- Да. Я сначала не хотел с ней вставать, - признается он. - Еще я с девочками не дрался… Но тренер сказал - пришлось. А как она меня бросила, я передумал. Она - крутая.

Крутая - это наивысшая похвала от Кирилла.

- А как ее фамилия?

- Не знаю. Просто Василиса, - пожимает плечами.

"Просто Василиса", повторяю про себя, будто пробуя имя на вкус.

Внутри все еще сосет и тянет, тупо и настойчиво, но уже не так ощутимо. Я отмахиваюсь от него - конечно, будет сосать, если не жрать с утра.

- Есть хочешь? - спрашиваю.

- Всегда, - немедленно отзывается Кирилл.
- Тогда прибавим газу! - говорю я, втапливая на полную.

Глава 8

Евгения

- Я пошла, - завязав пояс, Василиса забирает у меня рюкзак с вещами и бутылку с водой.

- Удачи, - едва успеваю пожелать, как моя дзюдоистка уже мчится к лестнице на второй этаж, где расположен тренировочный зал.

Я поднимаю с диванчика, на котором она переодевалась, свой рюкзак со спортивной формой и иду следом за ней, на ту же лестницу, только на этаж выше - в тренажерку. Тоже решила заняться собой.

Тренировка Василисы длится полноценных полтора часа, и это время лучше провести на эллипсоиде или аэробайке, чем за кофе с булкой в местном кафетерии, тем более что кофе там не очень. За те пару месяцев, что вожу дочь сюда, я перепробовала уже все варианты скрасить себе ожидание: и гуляла вокруг Академии, и бегала туда-обратно домой, и просто залипала в телефоне - надоело. Захотелось разнообразия, еще и с пользой для фигуры. И за смешные деньги - для родителей воспитанников месячный абонемент в тренажерку стоит почти как разовое занятие в любом разрекламированном фитнес-клубе - ну грех не воспользоваться!

Вот только Василису забыла предупредить об изменении в своих планах, ну да она и не заметит разницы. В первый раз на полтора часа меня точно не хватит, и я буду ее ждать как обычно.

Зал мне нравится. Он огромный, высокие потолки, отменная вентиляция. Тренажеры новенькие, блестящие и стоят не плотняком, а на комфортном расстоянии друг от друга, и я занимаюсь с кайфом. Пока музыку в наушниках не перекрывает звонок.

Смотрю на экран и нажимаю "ответить".

- Привет! - радуюсь сестре.

- Ты что, бежишь куда-то? - немедленно реагирует Витка на мой запыхавшийся голос.

- Почти, - улыбаюсь. - В тренажерку записалась.

- Ого! - короткая пауза. - Завидую твоей энергии. Так ты занята или поговоришь со мной?

- Поговорю, - остановившись, я поняла, что устала, и готова прерваться. - Ты по делу?

- Просто узнать, как дела, как новая работа - втягиваешься?

- Да, вливаюсь потихоньку. Стараюсь впечатлить начальство, чтобы не сразу меня уволили.

- С чего бы им тебя увольнять? - фыркает Виталька. - Они сами тебя сюда заманили. А как покажешь все, на что способна, вообще сделают начальницей. Я бы на их месте даже не думала.

- Ну это ты. Ты необъективна, - опять улыбаюсь.

- Это точно, - соглашается. - А что моя супер-чемпионка - всех рвет?

- Работает в этом направлении.

Я знаю, что дела Василисы интересуют Витку больше, чем мои. Своих детей у сестры еще нет, и она просто обожает племянницу. Та отвечает ей взаимностью.

- Слушай, - голос Витальки меняется. - А ты что, с Русланом виделась? И не сказала мне? - наезжает на меня.

- Откуда ты знаешь?! - едва не вскрикиваю я от изумления, но тут же соображаю откуда: - А, Влад рассказал...

- Да, Влад, - подтверждает она, но как будто неуверенно.

Я отмахиваюсь от этого ощущения - явно же померещилось. Больше ей просто неоткуда об этом узнать - кроме него, я никому не говорила о той встрече. И Владу, в общем-то, не стоило...

- Да я не виделась, а видела - это не одно и то же, - оправдываюсь перед ней. - Его сын участвовал в тех же соревнованиях, что и Васька. Столкнулись случайно.

- То есть ты его видела, а он тебя нет? - допытывается сестра.

- Нет.

- Уверена? - давит она.

- Да уверена, Виталь! Мы сразу ушли. Я утащила оттуда Василису.

О том, что утащила прямо с татами, и что из-за этого она и проиграла, не заикаюсь. Виталька меня распнет! Она была резко против того, чтобы Василиса занималась дзюдо, как ее отец, но мы вместе ее убедили. Я и сама сначала была против и отвела дочь на гимнастику, но та увидела однажды тренировку дзюдоистов и отказалась заниматься чем-то другим. Объявила бойкот и голодовку, пока я не сдалась. И Виталии тоже пришлось отступить. А потом она стала самой преданной Василискиной болельщицей, и если узнает, что из-за меня - вернее, из-за Руслана - та проиграла турнир, ой...

- Капец, не повезло тебе, - вздыхает Виталька. - Не успела приехать - и сразу угодила в дерьмо.

- Мхм… - соглашаюсь с ней, но сестра расценивает мое мычание по-другому.

- Вот не надо этого твоего занудного "я же говорила"! Ну кто знал, что обоих отпрысков Сирцева на борьбу потянет?!

- Я молчу, - смеюсь про себя ее вспышке.

- Молчит она... - бухтит беззлобно сестра.

- Я, кстати, узнала, где тренируется его сын, - пытаюсь добавить градус позитива. - Не близко. Так что до следующего городского турнира мы в безопасности.

Бросаю взгляд на часы на мониторе тренажера и соскакиваю с байка.

- Блин, я за Василисой опоздаю!

- Ладно, топай. Потом договорим.

- Мхм, - мычу снова, двигая в раздевалку.

Договаривать мне не особо хочется, но знаю Витку - моего желания она не спросит. По правде, времени встретить Василису у меня хватает, просто я хотела свернуть разговор. Не была готова к допросу с пристрастием, а по-другому моя сестрица не умеет.

Принимаю душ, переодеваюсь, иду к лестнице. И застываю напротив большого телевизора в холле, на котором нон-стопом крутят достижения воспитанников Академии, занявших призовые места на всех турнирах, в которых принимают участие.

И сейчас прямо на меня с экрана смотрит сын Руслана.

Кирилл Сирцев, второе место в городском турнире по самбо и дзюдо.

Но что он делает здесь?!

Почему он на доске почета этой школы, когда выступал за другую? Я же видела протокол!

Таращусь на экран, чувствуя растерянность, хотя фото давно сменилось на другого победителя. И на следующего.

Я жду, когда закончится круг, и я снова увижу его, то есть не его - надеюсь, что это окажется не он, что мне привиделось. Может, там был Синицын какой-нибудь, а я с перепугу неверно прочитала?..

Но нет, чуда не происходит, и я снова вижу то же имя, что и в первый раз.

Я в ступоре - что за рок меня преследует? Почему я снова натыкаюсь на его сына?!

Что Вселенная хочет сказать мне этим знаком? Что я зря вернулась в этот город? Зря приняла предложение по работе? Зря привезла сюда Василису? Нужно было оставаться на севере? Что?!

Меня едва не сносит выбежавшая из соседнего зала толпа футболистов, и я соображаю, что реально опаздываю за Василисой.

Снимаюсь с места, быстро спускаюсь, но ни в зале, ни в раздевалке ее нет - ушла. Бегу вниз, сканирую все диванчики в холле первого этажа, стойку гардероба, но и тут дочь не нахожу. Я не боюсь, не паникую, знаю, что она не уйдет без меня, дождется, но хочу поскорее ее найти. Спешу к выходу, надеясь, что она ждет меня на улице, и резко торможу, увидев напротив входа Руслана. А перед ним... Василиса.

Мое сердце забывает биться, потому что они разговаривают!

Глава 9

Я не дышу.

Стою за стеклянной дверью и смотрю на них двоих.

Руслан что-то говорит Василисе. Я не слышу что и не вижу, отвечает ли она - дочь стоит ко мне спиной.

Меня накрывает чем-то горячим и удушливым - это не страх и не паника, а что-то, чему я не знаю названия. Оно буквально парализует меня - и способность мыслить, и двигаться. Не уверена даже, что я моргаю в этот момент. Лишь смотрю.

Точно знаю одно - я должна выйти и забрать дочь. Прямо сейчас. Каждая секунда их общения - это риск, что он узнает, кто она. Не потому, что она похожа на него, как две капли воды, нет, но, если он спросит что-то о родителях, если услышит ее фамилию… то сложит два и два.

Умом я понимаю, что это маловероятно, но ум мне в эту секунду отказал. И я рвусь выбежать к ним.

Но стою на месте. Потому что выбежать - это значит оказаться с ним лицом к лицу. Это значит многократно увеличить шанс случиться тому, чего я так боюсь. Тогда Руслану и спрашивать ничего не нужно будет, я сама дам ему ответы. И вызову новые вопросы.

Мои пальцы от бессилия сжимаются, и я чувствую, что в правой руке держу телефон. Точно. Я же могу позвонить ей! И задеревеневшими, несгибающимися пальцами я набираю номер Василисы.

- Мам, ты где? - спрашивает она сразу.

- Ищу тебя везде, - отвечаю почти правду - я же искала.

- Я жду тебя на улице.

- Вернись, пожалуйста, внутрь, - прошу, сдерживая эмоции.

- Хорошо, иду.

Она разворачивается и бежит к дверям. Я отступаю глубже в холл, чтобы она не увидела, что я стояла здесь и наблюдала за ней, и чтобы не попасться на глаза Руслану, провожающему ее взглядом. Провожающему свою дочь. В его взгляде нет ничего настораживающего, и все равно у меня перехватывает горло. Думала ли я, что это когда-нибудь произойдет? Что они встретятся…

Василиса влетает внутрь, оглядывается и видит меня. Я делаю вид, что только что спустилась.

- Прости, разминулись, - улыбаюсь ей, останавливаясь, не торопясь покидать безопасный холл.

- Ничего страшного, - пожимает плечами. - Кирилл с папой подождали со мной, пока ты не придешь.

На слове "папа" у меня подскакивает пульс - нечасто она его произносит.

- Кирилл? Кто такой Кирилл? - изображаю удивление, чтобы скрыть это.

- Мальчик с тренировки. Сегодня познакомились.

Руслан с сыном ушли, и мы тоже выходим. С оглядкой.

Идем по тротуару к светофору, Василиса берет меня за руку, рюкзак прыгает за спиной, мишка-дзюдоист, подаренный Виталькой, танцует.

- Этот Кирилл из твоей группы? - спрашиваю, стараясь, чтобы голос звучал как обычно.

- Нет, из другой. И тренер другой, Тимур Далерович. Он новенький.

Усмехаюсь про себя - мы и сами тут далеко не старенькие.

- То есть ты о нем ничего не знаешь?

- О Тимуре Далеровиче? - уточняет.

- О Кирилле, - выдавливаю из себя улыбку.

- Знаю, - кивает, немного подумав. - Он участвовал в тех же соревнованиях, что и я. Занял второе место. А раньше занимался в другой школе, но его тренер перешел сюда, и Кирилл пришел вместе с ним.

Ну, хотя бы со сменой школы становится ясно. Но теперь, когда я знаю, мне не становится легче. Наоборот - я в ужасе. Это значит для меня одно - я в ловушке. Я обещала себе, что не стану делать резких движений, даже если наши дети занимаются в одной школе, и не стану. Это не обсуждается, о смене нами школы речь не идет.

И тогда я рискую столкнуться с Русланом в любой момент. В любом месте - у входа, в холле, на лестнице, в зале… Каждый день! Или через день, если его сын не маньячит, как Василиса, и не ходит плюсом к своим еще и на тренировки с другой группой.

А теперь Кирилл и Васька знакомы, они будут видеться, как минимум, каждую пятницу на дне борьбы, а, может, и чаще. Могут разговаривать. Могут даже подружиться… Не зная, что они брат и сестра. Наполовину, но разве это что-то меняет?..

- Мам, ты опять улетела куда-то, - дергает дочь мою руку.

- Просто задумалась, - силюсь улыбнуться ей.

- Я тебя спросила про папу, - повторяет она то, что я не расслышала, погруженная в свои мысли, и от этих слов у меня внутри все переворачивается.

- Про па-пу? - переспрашиваю потрясенно.

Моя девочка так редко заговаривает о нем, почти никогда не спрашивает, и вдруг именно сегодня, именно сейчас, после того, как встретилась со своим отцом, даже говорила с ним…

Как тут не поверить в пресловутый зов крови? Чем еще это можно объяснить?

- Да. У меня же есть папа? - ее глаза пытливо смотрят на меня снизу вверх.

Глаза, точь-в-точь такие же, как у Руслана. Тот же разрез, тот же взгляд, который проникает прямо в душу.

- У всех же есть папы? - настаивает она на вопросе, не давая мне увильнуть.

- Да, но… Почему ты спрашиваешь? - перехожу в наступление.

Она пожимает плечами, отводя глаза.

- Мне понравился папа Кирилла. Тоже хочу, чтобы за мной на тренировки хоть иногда приходил папа.

Сердце сжимается от этих слов. Не потому, что я ревную дочь к несуществующему отцу, не потому, что мне обидно, что ей меня одной мало, а потому что мне нечего ей ответить.

Я не готова к этому разговору. И тем более не готова говорить на эту тему здесь и сейчас.

К счастью, мимо нас проезжает автобус с рекламой суши-бара неподалеку от нашего дома, и Васька провожает взглядом огромное фото роллов с огурцом на его борту.

- Голодная? - спрашиваю, ухватившись за возможность.

Она неопределенно пожимает плечами.

- Может, поедим роллы на ужин?

- Да! - загораются радостью ее глаза, и мы бодрой походкой шагаем в бар.

Надеюсь, про ее папу мы сегодня больше не вспомним.

Глава 10

Сама я не очень люблю суши и роллы, даже хитовую Филадельфию, и еще меньше люблю ходить в специализированные рестораны - мне в них слишком специфически пахнет. Но их в любом виде и форме до одури обожает Виталька и она же подсадила на них Василису. Так что мне приходится считаться с предпочтениями дочери.

Я нашла для себя съедобный компромисс в виде тортилья маки с курицей или лососем - в них нет ни риса, ни водорослей, - и день суши перестал быть для меня пыткой.

Администратор провожает нас к столику. Василиса идет за мной, вслух предвкушая, что закажет из хорошо знакомого меню:

- Я буду Калифорнию, с креветкой, с огурцом и запеченный с курицей.

- Не лопнешь? - интересуюсь, улыбаясь сама себе.

- Неа, - уверенно отвечает моя дзюдоистка, и в ту же секунду откуда-то сбоку раздается детский голос:

- Василиса!

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, кто из друзей ее зовет, и в этот момент дочь сообщает мне:

- Мам, там Кирилл с папой. С которыми я тебя ждала на улице после тренировки.

Она объясняет так подробно, словно я могла забыть, с кем и где она меня ждала.

Я не застываю, не перестаю идти, даже не сбиваюсь с шага, но оставшуюся часть поворота головы делаю медленно. Или мне только так кажется.

Мои глаза почти сразу встречаются с глазами Руслана. Находят его безошибочно, будто уже знали, где именно он находится и куда нужно смотреть.

Он тоже смотрит на меня.

Внутри сразу поднимается паника. И отрицание происходящего - нет, это не правда. Этого не может быть. Ну почему со мной?

В целом, далеко не маленьком, городе, не одна школа дзюдо, не один суши-бар, но мы опять умудряемся столкнуться друг с другом. И наши встречи становятся все чаще.

Я не верю в знаки, не верю в судьбу, я материалист и реалист, но никакого рационального объяснения той мистике, что происходит со мной последнюю неделю я не нахожу.

- Можно они сядут с нами? - спрашивает Кирилл у Руслана, пока мы с ним играем в гляделки.

- Да, конечно, - кивает ему отец, скорее всего, просто на автомате.

Не уверена, что он вообще слышал вопрос.

Но детям на это плевать. Василиса уже плюхается на стул рядом с Кириллом, он что-то говорит ей, она отвечает ему с присущей ей серьезностью, кивает, тянется за меню. Мне выбора не остается, я тоже сажусь. Свободные места или напротив Руслана, или с торца, то есть рядом с ним.

Я выбираю сесть напротив, по крайней мере, это ближе к дочери. Глаза на него не поднимаю, прячусь за меню. Не потому, что боюсь его взгляда - я боюсь своего. Просто, если посмотрю на него сейчас, по-настоящему посмотрю, не уверена, что не выдам себя. Что смогу контролировать то, что будет написано на моем лице.

Василиса и Кирилл разговаривают. Я слышу, как они обсуждают какой-то подхват, потом переключаются на трюки на самокате, и он хвастается, что научился делать разворот в прыжке. Обычный детский разговор, за который я цепляюсь как за спасательный круг, делая вид, что внимательно слушаю.

Детям не приходит в голову познакомить нас, и мы тоже не представляемся друг другу - нет нужды. Руслан не заговаривает со мной. Я тоже молчу. И наше молчание такое плотное, такое осязаемое, что я удивляюсь, как его не замечают дети.

Я не могу не думать о том, что это уже третья наша встреча. Третья за неделю и уже вторая сегодня. И если первые две можно было списать на совпадение - ну, бывает, в одном виде спорта крутимся, в одной школе теперь занимаемся, пересеклись, - то эта уже ни на что не списывается.

Какова была вероятность того, что мы окажемся в одном и том же суши-баре? Из наверняка пары сотен таких же. Мы пришли сюда, а не домой, увидев рекламу на автобусе. Спонтанно. Я так пыталась избежать вопросов об отце Василисы. Избежала, аха…

Каким-то образом в моих руках оказываются палочки, и я кручу их, старательно отводя глаза от Руслана. Он смотрит на меня. Я чувствую его взгляд - кожей чувствую, как чувствовала его всегда. Это не изменилось. Восемь лет, другая жизнь, другая я, а это осталось неизменным.

Внезапно у меня появляется мысль, а что если он не узнал меня? Может, он меня забыл за столько лет, и сейчас я для него просто незнакомая женщина, мать девочки, с которой подружился его сын? И смотрит он на меня не как раньше, а потому что не понимает, почему я веду себя как заносчивая дура?..

Но нет. Он узнал. Я уверена в этом так же, как в том, что меня зовут Женя. Я видела это в его глазах. И в том, как застыло его тело, когда наши взгляды встретились.

Он узнал.

И сейчас, возможно, думает том же, о чем и я. Хотя нет. О том же думать он не может. Он не знает про Василису, не знает ничего из того, что знаю я. И это должно делать меня сильнее. Это мое преимущество - я знаю все, он не знает ничего. Но почему-то именно сейчас оно не ощущается преимуществом, оно ощущается как груз. Тяжелый, гнетущий, который я несу уже восемь лет, и с каждой такой встречей он становится еще тяжелее.

- Мам, - Василиса дергает меня за руку. - Я уже выбрала. Ты что будешь заказывать?

- Прости, - отмерев, я вижу, что официант стоит рядом с выражением выдрессированного терпения на лице.

Быстро проговариваю ему свои тортилья-роллы и замечаю, как Руслан усмехается - он явно помнит мою нелюбовь к традиционной японской кухне. Невольно стреляю в него глазами, и наши взгляды вновь встречаются.

Тут же отвожу глаза снова, к Василисе. Успеваю услышать, как Кирилл обещает научить ее делать все трюки, которые умеет он сам. Сын Руслана собирается учить мою дочь. Все во мне замирает: Боже, они уже подружились!

В этот момент Василиса смеется над чем-то, что сказал Кирилл, громко и заразительно, запрокинув голову - и в этом жесте столько Руслана, что у меня перехватывает дыхание.

Смотрю на него, и он тоже глядит на Василису. Глядит, не моргая.

О, нет. Неужели и он тоже увидел в ней себя?!

Глава 11

Руслан

Этот ужин на четверых был максимально странным.

Двое из нас болтали без умолку, двое едва ли произнесли больше двадцати слов. Напряжение между мной и Женей шкалило, хотя причин для этого, казалось бы, нет - наши пути давно разошлись, у каждого своя жизнь, и играть в молчанку, а особенно замирать как от удара током при случайных встречах тупо.

Но именно это я и сделал, увидев ее. Застыл памятником и язык словно отсох.

Она, конечно, тоже не заливалась соловьем, но, может, это результат моего невтемного ступора. Облажался я, короче. И сейчас, в машине по дороге домой не могу успокоиться.

И из-за своей реакции на бывшую девушку, и от осознания, что я все-таки не ошибся тогда, во Дворце дзюдо. Там действительно была Женя. Она вернулась в город, живет здесь, и ее дочь занимается в той же школе, что и Кирилл.

С - совпадения.

А Виталя-то явно сознательно не ответила мне на вопрос про сестру, напав меня в ответ, ведь она точно это знала. И нафига? Не хотела, чтобы я узнал о ее возвращении?

Но не вышло - судьба распорядилась иначе.

Судьба?..

Я реально это сказал?! В смысле, подумал. Я не верю в эти бредни про судьбу - все это чушь и мракобесие. Нет никаких знаков, никаких предрешений свыше. Есть простые случайности. Точка!

Злясь на себя за все сразу, еду агрессивно и рвано, Кирилла мотает в кресле на заднем, но он молчит. К счастью, мы уже приехали, я сворачиваю во двор, но ни у одного из подъездов мест нет. Что, в общем-то неудивительно в этот час - пока мы в ресторане сидели, все соседи добрались до дома. Останавливаюсь перед своим подъездом, киваю Кириллу:

- Можешь выйти, я поеду искать место. Рюкзак не забудь.

Кирилл лезет в багажник и первым делом спускает самокат.

- Зачем? - смотрю в зеркало. - Я быстро.

Он отвечает мне просительным взглядом.

- Ладно, - сдаюсь. - Тогда рюкзак оставь, принесу.

Он тянется, чтобы нажать кнопку закрывания багажника и мчит с проезжей части. Я выжидаю секунду и сдаю назад, на выезд из двора.

Место находится сразу за домом, прямо под окном. Вешаю рюкзак одной лямкой на плечо и шагаю к подъезду. Он крайний, поэтому идти недалеко.

Кирилл опять трюкачит - спрыгивает с пандуса, катится метр, подпрыгивает, в воздухе крутит руль два полных оборота, и пытается проскользить по краю бордюра. Но дека соскальзывает, и он едва не падает, но удерживается. Оглядывается на меня.

Я уже возле двери, прикладываю пипку к домофону.

- Идем, - придерживаю для него дверь.

Он заезжает в подъезд. В лифте спрашивает:

- Мама не звонила?

- Нет еще, занята, наверное, - спешу успокоить, потому что спрашивает он уже не первый раз, притом, что у него есть свой телефон.

Он кивает, а дома, раздевшись, сразу оккупирует приставку. Даже отсрочкой "после ужина" не воспользуешься - мы уже. Иду на кухню ставить чайник - в баре убедил его обойтись без чая, чтобы не продлевать этот странный ужин. Открываю холодильник в поисках чего-нибудь сладенького. Шарю глазами по полкам, а мысли снова возвращаются к Жене.

Она почти не встречалась со мной глазами, и я мог понаблюдать за ней.

За восемь лет она почти не изменилась. Другая одежда, другая прическа, более прямая осанка, но тот же румянец на щеках, тот же взгляд из-под опущенных ресниц. Она такая же и все же другая. Другая не внешне - внутренне. Она стала... не знаю. Взрослее - это само собой. Но не только. Я таращился на нее, пытаясь понять, что в ней не так, но так и не понял. И сейчас не получается докопаться - мои изыскания прерывает подпрыгивающий на столе телефон.

- Привет.

- Привет. Как вы там? - голос Нади звучит немного виновато, как всегда, когда она уезжает.

Не развлекаться, а работать, но мать есть мать, и не переживать она не может.

- Нормально, - отвечаю бодро.

Я знаю, что меня ждет пулеметная очередь вопросов, но я к ним готов.

- Ужинали?

- Да, в суши сходили.

- Ну зачем? - упрекает мягко. - Я же наготовила.

- Захотели, - пожимаю плечами.

- На тренировку успел?

- Да успел я, Надь! - чуть срывает меня, потому что чувствую за собой косяк.

- Не кричи! - тут же ставит она меня на место.

- Прости, - бурчу и она продолжает поучать:

- Завтра не проспите в школу. И не забывай читать чаты - школьные и дзюдошные. Могут быть изменения.

- Да знаю я! Ну что я, первый раз с ребенком один остаюсь?! - снова срываюсь.

- Не первый, но…

- Все, Надь, давай. Лучше с сыном поговори, - и я иду в комнату, сую трубку Кириллу, а сам прихватываю с компьютерного столика второй телефон, на котором установлен мессенджер для чатов с учителем и тренером, и возвращаюсь на кухню.

И тут она нажала на болевую точку - про чаты я реально забыл.

В школьном чате ничего стоящего - домашка, которую Кирилл сделал на продленке, и затяжной срач двух мамаш из-за какой-то ерунды. Выхожу без сожаления и открываю чат группы НП-3, в которой залипаю на выложенных видео с дня дзюдо - среди них есть и спарринг Кирилла с Василисой. Смотрю его несколько раз. Красивая все же у Жени дочь, похожа на нее. Лицо, волосы. А вот мимикой напоминает мне кого-то другого, не могу понять.

Смотрел-смотрел на нее, но не разобрал. Может, Витальку? Или родителей их? Потому что одноклассника Жени, Влада, который, скорее всего, отец девочки - вряд ли Женя успела так быстро после меня и него переключиться на кого-то третьего, - я никогда не видел.

Воспоминания о Владе заставляют кулаки непроизвольно сжаться, я замечаю это, только когда металл телефона жалобно стонет в моих тисках.

Расслабляю хват - не мое это дело, - и продолжаю листать чат.

После видео сообщение от тренера о скором турнире в Тюмени, на который поедут все призеры городских соревнований, то есть и Кирилл, и еще несколько не призеров.

В списке из четырех имен первой значится Василиса Гордон.

Что? Гордон?!

У Жениной дочери ее фамилия? Ее, а не ее отца?..

Почему?!

Я смотрю на экран, и в голове начинает что-то как будто проясняться. Медленно, как складывается картинка, когда находишь нужный кусок пазла. Еще не сложилась до конца, но уже вот-вот.

Глава 12

Евгения

- Я уже не знаю, как мне расценивать эти встречи. Что, я так и буду сталкиваться с Сирцевым, пока он не узнает о Василисе? - жалуюсь я Витальке на своей съемной кухне.

Мы сидим по разные стороны барной стойки, отделяющей зону кухни от гостиной и одновременно служащей обеденным столом. Передо мной кружка с растворимым кофе, перед ней - стакан с водой, от кофе, как и чая, отказалась наотрез.

- Ты собираешься рассказать ему о Ваське? - пучит она на меня глаза, по-своему истолковав мои слова.

Я едва не подпрыгиваю:

- Нет, конечно!

- А говоришь так, будто готова сдаться бывшему с потрохами, - с подозрением смотрит на меня моя копия.

- Ничего я не готова! - возмущенно повышаю голос, но тут же одергиваю себя - Василиса у себя в комнате, и я вовсе не хочу, чтобы, привлеченная моим голосом, она вышла и что-то услышала. - Но ты не считаешь, что не просто так Вселенная сталкивает нас носом к носу с такой частотой и настойчивостью? И меня, и дочь.

- Нет, не считаю, - Виталька осушает свой стакан и ставит его на стойку. - Вселенной нет до тебя дела, не обольщайся, сестренка. Причина того, что вы сталкиваетесь - всего лишь неверные решения.

- Ты опять о том, что не нужно было отдавать Василису на дзюдо? - спрашиваю, тяжело вздыхая.

Мы немало копий поломали в этих спорах.

- А ты считаешь, я не права? - она смотрит на меня в упор. - Где произошли все эти ваши судьбоносные встречи, а? Правильно - на дзюдо. Значит, продолжай Васька ходить на гимнастику - вы бы сто процентов до сих пор с отцом-героином не встретились.

Я молча пью свой кофе и грызу так любимые Василиской сушки.

Просто потому что возразить мне Витальке нечем. Тут она права. Я могу сколько угодно рассуждать про Вселенную и знаки, но, если убрать лирику, все три встречи случились там, где случились, именно потому, что оба ребенка Руслана занимаются одним и тем же видом спорта.

И напоминать сестре о том, что это был выбор Василисы, а не мой, незачем - она прекрасно это помнит. Но когда ей выгодно - меня упрекнуть, например, - предпочитает делать вид, что последнее слово было за мной. Если бы…

- Еще этот турнир в Тюмени, - вырывается у меня с еще более тяжелым вздохом, когда я прожевываю последний кусок сушки.

И я тут же жалею об этом, когда Виталька вскидывается:

- Какой турнир?

- Выездной. Кубок полпреда УрФО, - поясняю неохотно. - И Кирилл туда тоже едет. А значит, и Руслан. Ну, или его жена - мать Кирилла. Та, что приходила ко мне тогда, - напоминаю. - Что тоже не лучше…

- Вообще не вижу проблемы, - фыркает сестра. - Просто откажитесь от участия в этом кубке и все дела.

Я хмыкаю - как у нее все просто: откажитесь. А как я этот отказ Василисе объясню? Которая про турнир, конечно, уже знает, и готовится на нем реабилитироваться за поражение здесь, на городе. Вынужденное. Из-за меня.

И сейчас я вдруг скажу ей, что мы не едем?..

Снова вмешаюсь? Ну уж нет!

Качаю головой.

- Нет, Виталь, я так с ней не поступлю.

- Почему нет? - не понимает она.

И это нормально. Она ведь не знает, что в прошлый раз Василиса проиграла из-за меня. Не знает, потому что я не рассказывала.

- Потому что я не буду вмешиваться в ее тренировки из-за своих проблем.

- Ну это же не первый и не последний турнир. Поучаствует в следующем.

- В котором тоже с большой долей вероятности будет участвовать сын Руслана, - возражаю. - Они в одной возрастной категории и примерно равны по силе. И что, нам со всех соревнований сниматься?

Я делаю паузу и смотрю на сестру, которая всерьез обдумывает мой вопрос. И по выражению ее лица я вижу, что она и в этом "не видит проблемы".

- Нет, я не стану бегать от него как страус, - решительно отвергаю такой вариант. - Это не выход. Да и куда я от него убегу? Город один. Вид спорта один. Я не могу выстроить нашу с Василисой жизнь так, чтобы Руслан в ней точно не появился.

- А я бы попробовала, - продолжает Виталька упорствовать, но уже без прежнего давления в голосе.

- Я уже пробовала, - парирую. - Восемь лет.

Теперь она сверлит меня долгим взглядом. Потом встает, берет свой стакан и наливает в него еще воды из бутыля.

- И что тогда ты будешь делать? - спрашивает, разворачиваясь ко мне лицом.

- Не знаю, - отвечаю честно. - Пока не знаю.

- Но в Тюмень тебе точно не стоит ехать!

- В смысле, Виталь? - ширятся мои глаза. - Я не отправлю семилетнего ребенка одного!

- Она не одна. С ней будут тренеры и другие родители. А в Тюмени ее Влад встретит и присмотрит.

Тюмень - наш с Виталькой родной город. Мы там родились, там закончили школу и только после выпуска перебрались всей семьей сюда - родители как раз вышли на северную пенсию и захотели перебраться поюжнее.

И туда же я сбежала, когда узнала о предательстве Руслана. На восемь лет.

- Владу же ты доверяешь? - пытает сестра.

- Доверяю, но это другое, Виталь! - я не понимаю, как она этого не понимает.

Она сердито выдыхает и предлагает:

- Ну хочешь, я поеду?

- Нет, не хочу, - мотаю головой и обещаю, скорее, себе, чем ей: - Я что-нибудь придумаю.

Глава 13

Влад тормозит максимально близко к входу, Василиса выскакивает первой, уже готовая бежать - она ехала в машине, не снимая рюкзак с плеч. Ее бы воля, и она спать в нем легла.

- Мам, давай быстрее - опоздаем! - торопит меня.

- Я быстро, - говорит мне Влад, открыв окно. - Минут пятнадцать, максимум двадцать.

- Может, не поедешь? Обойдусь я как-нибудь без телефона, - я, конечно, не обойдусь, но не Влад виноват в том, что я оставила мобильник на зеркале в его прихожей, когда завязывала кроссовки, и мне неудобно гонять его туда-сюда.

- А Василька снимать? - удивляется он.

- Можно и на твой.

Но он не ведется:

- Не, я сгоняю. Будем снимать с двух ракурсов.

- Ну ма-ам! - бьет копытцами моя дзюдоистка, и Влад уезжает, а мы почти бегом идем к входу.

Этот дворец спорта нам хорошо знаком - именно здесь Василиса сменила ковер на татами, переквалифицировавшись из гимнастки.

В фойе невероятный гул из сотен голосов детей, родителей, тренеров, организаторов. Местные участники соревнований сразу идут в раздевалки, а приезжие, как мы, собираются в группы, чтобы пройти на взвешивание.

Василиса сразу вытягивается на цыпочки, оглядывается в поисках своих.

- Вон они! - и срывается с места раньше, чем я успеваю ее остановить.

Команда нашей Академии толпится у дальней стены. Егор Андреевич возвышается над головами воспитанников и что-то им говорит. Приветствует подошедшую Василису, кивает мне - мол, все, принял, - и через пару минут группа утекает куда-то во внутренние помещения, куда родителям вход заказан. Василиса идет с ними, даже не оглянувшись.

Я выдыхаю. Впервые за утро.

Как проснулись - суета, сборы, нервы, такой напряг, что я даже ни разу не вспомнила о возможной очередной встрече с Русланом. Не подумала о том, как мне вести себя с ним, что говорить, если вдруг окажемся рядом - просто было не до него.

Сейчас у меня передышка, но думать не над чем - Руслана среди оставшихся в фойе родителях нет. И Кирилла я среди мальчиков, окружавших наших тренеров, не увидела. Может, он не приехал - не смог, травмировался, да мало ли что! Если в этот раз Вселенная решила дать мне выходной, я счастлива.

В фойе маняще пахнет кофе, и я резко вспоминаю, что мы не завтракали - у Василиски взвешивание, и она наотрез отказалась рисковать набором лишних трехсот граммов, чтобы не попасть в более тяжелую весовую. На сушку детей еще не садят, но минимальные рекомендации по ограничению в питании перед соревнованиями все же просят соблюдать: в их возрасте и весе пара килограммов - еще более критично, чем у взрослых спортсменов. Я из солидарности с ней тоже не стала тратить на завтрак время.

Подхожу к кофемату, нажимаю "капучино" и тычу в кнопку дополнительной порции кофе - хочу покрепче. Подставляю стакан нужного объема, тянусь в сумку за телефоном, и только тут вспоминаю, что его нет.

- Черт, - досадую вслух.

- Что-то не так?

Оборачиваюсь на голос. За мной стоит молодая - слегка старше меня - женщина с приятным лицом. Смотрит без назойливости, просто спрашивает.

- Телефон забыла, - улыбаюсь смущенно.

- Давайте я заплачу, - тут же предлагает она и уже тянет свой телефон к терминалу на кофемате.

- Не надо, спасибо, - отказываюсь и жму сброс заказа. - Телефон скоро привезут.

Еще раз улыбкой поблагодарив ее за участие, отхожу к окну. Прислоняюсь бедром к подоконнику и наблюдаю за парковкой - не появился ли Влад. Но нет.

Смотрю на часы - до старта разминки полчаса. Влад приедет, купим кофе, сэндвич для Васьки и пойдем занимать места на трибунах. По опыту - народу среди зрителей будет дофига.

- Держите, - раздается рядом уже знакомый голос.

Поднимаю взгляд. Та женщина протягивает мне стакан с кофе.

- Капучино. Двойной, я подсмотрела, - улыбается.

- Зачем вы? - я сконфужена по-настоящему. - Не нужно было.

- Это просто кофе. Берите, я два не выпью, - она демонстрирует мне такой же стакан во второй ее руке.

- Спасибо, - благодарю, забирая у нее один.

Она кивает и прислоняется к подоконнику рядом. Тоже смотрит в окно. Молчать неловко, поэтому я спрашиваю:

- У вас тоже дзюдоист?

- Конечно. Сегодня тут только мы.

Ни о чем больше мы поговорить не успеваем - появляется Влад.

- Добрый день, - кивает моей новой знакомой и протягивает мне телефон.

- Спасибо, - улыбаюсь ему и поворачиваюсь к женщине: - И вам еще раз.

- Удачи вашему дзюдоисту, - отвечает улыбкой.

- У нас дзюдоистка, - гордо отвечает ей Влад, и мы с ним идем в зал.

Трибуны уже изрядно заполнены, хотя ничего еще не началось. Но это специфика детских турниров - родители, бабушки, дедушки, братья и сестры приходят поболеть за своих. И с выбыванием участников будут редеть и ряды зрителей.

Мы находим места повыше с нормальным обзором на все татами. Объявляют разминку, а потом и первые схватки в младших возрастных категориях. Сначала, как обычно, мальчишки. Василиса будет во втором заходе, скорее всего.

Спрашиваю ее об этом, когда дочь поднимается к нам кушать свой сухой завтрак.

- Не знаю. Сетку еще не выложили. Я буду половинку, - смотрит на сэндвич в моей руке.

- Почему? Ты же голодная.

- На полный желудок бороться нельзя, - поясняет наставительно. - Если меня после первого круга по этим весам не позовут - съем вторую.

- Хорошо, - улыбаюсь, отдавая ей половину.

Схватки длятся быстро, фамилии победителей звучат одна за другой. К счастью, микрофоны тут настроены отлично и объявляющего судью слышно хорошо, что обычно бывает проблемой детских турниров - приходится прислушиваться, чтобы не пропустить свою фамилию. Тут пропустить нереально, и я расслабляюсь.

Пока не слышу отчетливое, произнесенное как будто в проблеске тишины:

- На татами три приглашаются: Мухаметшин Анар, Сирцев Кирилл.

Я вскидываю голову. Быстро нахожу татами три.

Смотрю на мальчишку слева от него и узнаю в нем Кирилла.

Внутри меня срабатывает аномальная гравитация.

Все. Выходной отменяется.

Глава 14

Руслан

С утра льет как из ведра.

Дороги в городе к нему, как обычно, оказались не готовы - ливневки забиты мусором, и вода с проезжей части не уходит, достигая местами до середины колеса. Ну, конечно - дождь в мае ведь такая же редкость, как и снег в январе, когда городу не хватает снегоуборщиков…

И народ тоже резко разучился ездить. Для большинства водил дождь каждый раз как в первый, и одни едут будто на цыпочках, другие вовсе стоят, мигают аварийкой.

Город встал намертво. За полчаса я проехал от силы километр, и сейчас стою практически без движения на перекрестье узких улиц, вижу хвост очереди впереди и отчетливо осознаю, что это, мать вашу, надолго.

Раз есть время, опять лезу в телефон.

Пересматриваю Надины видео с соревов: Кирилл на разминке - сосредоточен, делает все порядочно, не на отвали, потом первая схватка - уверенная и быстрая победа. Хорошо раздергал соперника и четко бросил через бедро. Идеально сделал, как по учебнику. Шагаю на пару секунд назад и еще раз смотрю бросок - ну по красоте же!

Вторую тоже выиграл, но уже не на шару, в борьбе. Практически равной - оба получили по юко и по ваза-ари, и бились все две минуты до свистка. Но на голден скоре Кирюха все же дожал противника. Мой пацан!

Этот последний прием я тоже пересматриваю еще раз и проезжаю еще пару метров вперед. Черт, это что за задница? Я же с моими в Тюмень не поехал из-за этой сдачи объекта, которую нельзя было перенести, так как уже дважды переносили до этого, но сейчас я сомневаюсь, что она состоится. Я тупо не могу туда доехать. И не я один, судя по сообщениям в чате с заказчиком.

Продвигаюсь еще на пару машин и снова встаю. Раздражение уже выплескивается наружу. И как-то неприятно царапает в груди, как будто какое-то волнение - что-то не дает покоя, короче.

Наверное, из-за того, что все еще нет видео с третьей схваткой. Времени со второй прошло прилично, а от Нади ничего нет. И невольно закрадывается мысль, что он проиграл - расстроился, и она успокаивает, потому и не до отправки. Или просто оттягивает момент моего разочарования. Будь все по плану, я бы уже наслаждался его очередным триумфом.

Проползаю еще сколько-то метров - ездой это не назвать, - и снова залипаю в телефон. Пишу проектировщику, чтобы, если что, начинали без меня, и от нечего делать открываю городскую новостную ленту. Открытие нового завода. Совещание в администрации. Отчет с какого-то мероприятия на площади - скроллю их все, не задерживаясь, пока глаз не цепляется за слово "Тюмень" в следующем посте. У новости заголовок капслоком "BREAKING NEWS" с частоколом красных молний.

"Ужасная трагедия на детских соревнованиях по дзюдо на кубок полномочного представителя Уральского федерального округа, проходящего сегодня в Тюмени…"

Пока мозг еще пытается осмыслить прочитанное, мотор в груди его опережает и, с силой ударившись в ребра, отключается, как после нокаута. Как отключился бы я, если бы с разбегу врезался в бетонную стену.

Трагедия…

Глаза скользят дальше по строчкам.

"Обрушение одной из зрительских трибун в здании спорткомплекса привело к уничтожению подтрибунных помещений и разрушению части межэтажных перекрытий. К сожалению,

есть пострадавшие. Их число пока не уточняется, но среди участников соревнований есть и маленькие спортсмены из нашего города…“

Мозг отказывается включаться и принимать информацию, и я тупо таращусь в экран, перечитывая текст снова и снова, пока он не гаснет.

Сзади начинают неистово сигналить, это возвращает меня в реальность. Не обращая внимания на сигналящих, набираю Надю - недоступна. Набираю Кирилла – длинные гудки. Один. Два. Три. Четыре - не берет.

Живот скручивает страхом.

Нет. Не может быть.

Ну нет же!

Обновление в ленте - теперь видео. Тычу в него, замирая.

Картинка дергается и на секунду зависает, прежде чем начать воспроизведение.

Любительская съемка. Кто-то снимает схватку на одном из татами. В очень приближенном кадре - трех или пятикратный зум - двое мальчишек, я вглядываюсь в лица, пытаясь разглядеть в одном из них Кирилла. Нет, не он.

И вдруг раздается звук, который даже через динамик телефона кажется неправильным.

Не хлопок, не удар - глухой, протяжный треск. Будто ломается что-то огромное, исполинское.

Снимающий вздрагивает, камера сначала опускается вниз, потом дергается вверх и резко уходит в сторону. Она трясется так сильно, что изображение превращается в размазанное пятно.

Раздается чей-то визг. Следом еще один. И еще десяток или больше голосов одновременно.

А через пару секунд становится ясно, что это не пятно, а просто то, что снимает оператор, скрыто в облаке серой пыли.

Ничего не видно, лишь слышны крики.

И чей-то истошный вопль:

- Мой ребенок!

У меня мороз пробегает по коже - а что если это кричит Надя?..

И тут же в голове вспыхивает: А если Женя?! Ведь они с Василисой тоже там!

Двигаю пальцами по экрану, приближая картинку.

Будто это поможет. Будто я смогу что-то разглядеть в этой пылище.

Видео обрывается.

Снова набираю своих. И снова не могу дозвониться.

Изнутри поднимается бессильная злость - они там. Возможно, ранены или травмированы - о худшем думать себе запрещаю, - а я застрял в этой бесячей пробке без связи.

Почему? Ну почему я не поехал с ними?! Сейчас был бы рядом и точно знал, что с ними все хорошо.

И с моими, и с Женей.

Сзади вновь сигналят, я оглядываюсь по сторонам и выхожу из машины.

Глава 15

Евгения

Я все еще слышу его.

Этот жуткий, оглушительный, какой-то инопланетный треск. Ничто в нашем мире не может так трещать. В мире, где родители собрались на трибунах, чтобы поболеть за своих детей. За юных спортсменов, будущих чемпионов.

Говорят, сначала был негромкий звук, словно предупредительный, как будто здание кашлянуло. А потом тот, что слышали все - странный скрипучий хруст, как будто переломился огромный позвоночник. Когда думаю о том, кому бы мог принадлежать этот позвоночник, мне представляются эти трехногие исполинские существа из фильма "Война миров" с Томом Крузом.

А сразу за этим хрустом - одновременный вздох ужаса сотен людей. В унисон. А потом крики.

Они все еще стоят у меня в ушах. А перед глазами - мне даже не нужно закрывать их, чтобы увидеть - страшная, чудовищных размеров яма там, где только что сидели люди.

Зияющий провал в трибуне, из рваных краев которого края торчат в разные стороны арматурные прутья . Часть пластиковых седушек еще держится на своих местах, поломанные и свисающие под немыслимыми углами, а спинки от них поотлетали и валяются кто где. Пара их даже травмировала людей на трибуне напротив, угодив в них подобно точно пущенной пуле.

И повсюду эта серая бетонная пыль. Она висит густым облаком в воздухе и медленно оседает, покрывая собой буквально все. И всех.

Я уже не в зале и даже не в спорткомплексе, я в больнице, но эта пыль у меня везде. От нее нещадно жжет и сушит глаза и кожу, она впиталась в мои волосы и одежду, я не могу избавиться от ее запаха в носу и постоянно чихаю.

Да, я в больнице, куда меня привезли вместе с другими пострадавшими, хоть сама я в порядке. Но никто меня не слушал. Загребли вместе со всеми.

Пострадавших много. Очень много.

Есть такие, у кого лишь пара царапин, синяки, ушибы, а есть и с более серьезными травмами: переломами и черепно-мозговыми - те, кто упали в провал, поверх груды обломков, и кто находился под трибуной, они оказались погребенными под многотонными плитами.

А ведь мы сидели в самом эпицентре! Это наша секция рухнула, просто провалилась, не выдержав нагрузки - эту версию я подслушала у спасателей, - на нижний уровень.

И у меня до сих пор трясутся руки от того, как легко мы с Владом отделались в этой ситуации. И сейчас рука тоже дрогнула, и из бумажного стакана, который я, оказывается, держу - не помню, как он у меня оказался, - на нее выплескивается вода и стекает на испачканные пылью и кровью, не моей, джинсы. Провожу ладонью по штанине, чтобы смахнуть с нее влагу - не люблю ощущение мокроты.

- Ты в порядке? - раздается над головой голос Влада.

Поднимаю голову, смотрю на него. Он чумазый с головы до ног - пыль и грязь въелись в лицо, в волосы, на ставшей серой футболке темные разводы и тоже следы крови. Его - оцарапался об арматуру и острый бетонный край.

- Ты же хотел умыться? - вместо ответа - ну какое может быть "в порядке" сейчас, здесь?.. - задаю встречный вопрос.

- Там моют, - объясняет. - Врач не выходил? Нет новостей?

Качаю головой, опуская глаза.

- Жень, ты не виновата, - снова принимается он убеждать меня, что моей вины в том, что она пострадала, нет.

Но я-то знаю, что это не так. Кто виноват, если не я?

Кто?!

- Наоборот, ты повела себя как настоящая героиня! Ты не запаниковала, не впала в ступор, а кинулась помогать. Да ты полезла в провал, чтобы вытащить тех, кто сам вылезти не мог. Ты спасла не одну жизнь, Женька!

- Но одну, возможно, загубила, - протестую негромко.

А не в панике и не в истерике я лишь потому, что жду. Жду хороших новостей. Жду и надеюсь, что, быть может, все не так плохо…

Влад опускается на сиденье рядом, молчит. Он знает меня достаточно, чтобы не повторяться и не заполнять тишину словами, когда они не нужны.

А я смотрю на воду в стакане, на то, как она покачивается из стороны в сторону из-за продолжающейся мелкой дрожи в руках и гоняю по кругу одну и ту же мысль - как же хрупка человеческая жизнь. Она может оборваться в любую секунду, в любой день, в любом месте, даже в таком неподходящем, как детский турнир.

Вот так вот просто треск - и все. И для кого-то завтрашний день не наступит. Он уже не сделает ничего из того, что откладывал на потом, не скажет того, для чего ждал подходящего случая или правильного момента.

Правильного момента может и не быть.

- Я расскажу Руслану про Василису, - озвучиваю вслух принятое только что решение.

Спонтанное? Импульсивное? Может быть. Но я так чувствую. Чувствую, что должна.

- Если ты из-за того, что… - начинает Влад, но я перебиваю:

- Считай, что я поверила в знаки. Если вдруг со мной что-нибудь случится… Пусть у нее хотя бы будет отец, - выдыхаю последнюю фразу.

- Вообще-то у нее есть я… - напоминает с упреком Влад.

- Ты есть, да, - улыбаюсь скованно и все же говорю: - Но ты же понимаешь, что это другое.

Он хмыкает, отвернувшись.

- Понимаю…

Мы снова замолкаем. Просто ждем.

Я старательно избегаю смотреть на дверь в конце коридора, куда увезли каталку. Операционная номер три…

Я думаю о Василисе. О том, что она заслуживает знать, что у нее есть отец. И что она уже знакома с ним. Что Кирилл - ее брат. Не знаю пока, как объясню ей, почему не рассказала раньше, но лучше поздно, чем никогда, да ведь?

Дверь в конце коридора открывается, появляется врач в хирургическом костюме. Он выходит быстрым шагом, на ходу снимает маску, перчатки.

Мы с Владом вскакиваем одновременно, стакан падает с моих колен на пол.

- Доктор! - я делаю шаг навстречу, голос срывается. - Как она?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.